

Н.Д. Курдина

«А БЫЛО МНЕ В ТО ВРЕМЯ 20 ЛЕТ»
(жизнь самарской молодежи в 1930-е годы)

В музее Самарского архитектурно-строительного университета готовилась новая экспозиция - к 75-летию вуза. Отбирались необходимые фотографии и документы, а не востребованные для витрины материалы складывались на архивные полки. В отложенных папках оказалось немало воспоминаний выпускников разных лет. Переписку с ними вела прежний директор музея А. Чагаева - одна из главных «накопителей» существующего фонда и на редкость удачливый «поисковик». Три таких письма-воспоминания, между собой напрямую, казалось бы, не связанные, объединила эпоха - 30-е годы, а, главное, предельно наглядное переплетение частной судьбы и «большой» истории.

Б. Р. ЯСИНСКИЙ :

В 1930 году был создан Самарский строительный институт. В сентябре месяце, после первого собрания слушателей, всех лиц мужского пола отправили в военный приемный пункт, где провели медицинский осмотр, здоровых оставили и создали одну роту, и недели две мы проходили общевоинскую подготовку. Затем началась учеба в институте, но очень скоро возникла необходимость помочь строителям клинической больницы, а через некоторое время строительству карбюраторного завода, где работали как подсобная сила в качестве подносчиков и подвозчиков строительных материалов - бутового камня, кирпича - на строительстве нулевого цикла.

В начале учебы был объявлен так называемый Дальтон-план, это когда из образованных бригад отвечал только один, а отметки ставили всем членам бригады. В нашей бригаде был Володя Козелков, который и зарабатывал все отметки. Мы, все остальные, ничего не делали, практически не учились, а просто приходили на занятия и слушали, что говорит преподаватель. Когда на следующий год отменили эту систему и ввели сессию, где каждый отвечал за себя, то было болезненно стыдно за свое незнание.

Дальтон-план был введен потому, что среди слушателей первого курса было очень много так называемых парттысячников с образованием 3-5 классов. К нам, молодым, с нормальным девятилетним образованием, прикрепили по несколько человек таких людей, которых мы были обязаны обучать во внеурочное время. В частно-

сти, у меня такими «баржами» были: Преображенская Мария Марковна. В это время в Самару на должность председателя КрайСНХ был выслан из Москвы крупный правый уклонист Преображенский, вот эта Мария Марковна была его жена. Кроме нее еще были кадровые парттысячники Горбачев Петр Иванович и Алешка Виноградов - волжский грузчик.

В 1932 году в Чапаевске на химзаводе взорвалось несколько производственных корпусов. У нас прекратили занятия, и все лица мужского пола были отправлены на ликвидацию этой аварии. Сначала мы разбирали то, что осталось от взрыва, затем восстанавливали эти здания.

Работали мы в две смены и, если мне память не изменяет, восстановили два корпуса. Жили мы на казарменном положении в здании Чапаевского химтехникума и проработали больше месяца. На 3-м и 4-м курсах нас не беспокоили, правда, отдельные товарищи уезжали на некоторое время на коллективизацию, на хлебозаготовки. Кроме этого, большое количество молодых студентов были сняты с учебы и отправлены в военные училища. По окончании 1-го курса прошли снова медосмотр, и здоровых мужиков отправили на сборы в Тощкие лагеря, где мы служили в студенческой роте 101-го сызранского полка. Так нам и присвоили звания командиров отделения.

С 1-го курса у нас сформировалась сильная волейбольная команда в составе: Борис Лобин - капитан команды и члены ее - Николай Федоров, Андрей Новопашин, Банькин, Сергей Ижорский и я.

Наверно, следует описать и первую «контрреволюционную акцию». Произошло это 16 апреля 1934 года. Наша группа сдавала последний экзамен по организации работ Дмитрию Никаноровичу Муморцеву. Я, Ясинский, последний, остался до меня один человек, когда рассыльный вызвал меня в отдел кадров. Начальник кадров проводил меня до гардероба и предложил одеться. Вышли мы на крыльцо - там ждет мужчина в штатском. Дошли мы с ним до угла - там пролетка. Сели и поехали в ОГПУ на улицу Степана Разина. Проезжая мимо Дома Красной Армии, посмотрел на часы - было без 15 минут час.

Б. Ясинский. 1935 г.

Б.Р. Ясинский. 1980 г.

Сначала меня допрашивал начальник секретно-политического отдела Околович, потом были следователи Каверзина и Арнольд. С начала допроса я подумал, что меня вызвали из-за отца, который был мелкопоместный дворянин в Бессарабии. Потом чувствую — начинают интересоваться и товарищами, задают вопросы: ну, кто у вас друзья? Я начинаю путать, называю вперемешку то парттысячника, то комсомольца, то беспартийного. Постепенно начинаю понимать, что останавливаются на некоторых, с которыми мне иногда приходилось выпивать — это, вроде, Железняков, Николаев и Олигер. Ставят вопрос: или вы через пять минут инженер, или никто. Допрашивал он часов 5-6 и что-то около шести вызвал конвойного. Во дворе этого заведения, оказывается, было двухэтажное кирпичное здание на 13 камер (я сидел в 6-й). Тяжелые двери заперты на мощные засовы и большие амбарные замки. Камера примерно 2 x 4 метра, в ней 8 полочек, как в вагоне. Электрическая лампочка свечей на 500, которая никогда не тушилась, на окне «карман» из фанеры, и, конечно, решетка металлическая, так что можно только звезды видеть. Камера на 8 человек. Железнякова и Николаева посадили на другой день. Потом долго не вызывали. Как-то проходил медосмотр в коридоре, и я услышал голос Железнякова, а через некоторое время, когда нашу камеру выпустили на прогулку, а я захотел и пошел в уборную, то в ней встретил Николаева, который вышел за водой. Он успел задать мне только один вопрос: «Как ты думаешь, за что нас посадили?», как появился конвойный

И нас разогнали. Поговорить не удалось. Прошло некоторое время. На одном из допросов мне дали расписаться в «Постановлении», в котором было записано, что Ясинский, Железняков, Николаев и Олигер привлекаются по статьям «организация, террор и агитация». Так я и узнал свою организацию.

В камере я лежал на верхней койке и обычно до 2 часов ночи не спал, а ногой давил клопов на потолке. В два часа ночи клопы засыпали, ложились спать, — засыпал и я. За время моего заключения в камере сменилось человек 20. Были и попы, и евреи-золотари, ко-

Сначала меня допрашивал началь-
ник секретно-политического отдела
Околович, потом были следователи
Каверзина и Арнольд. С начала доп-
роса я подумал, что меня вызвали из-
за отца, который был мелкопомест-
ный дворянин в Бессарабии. Потом
чувствую — начинают интересоваться
и товарищами, задают вопросы:
ну, кто у вас друзья? Я начинаю пут-
тать, называю вперемешку то парт-
тысячника, то комсомольца, то бес-
партийного. Постепенно начинаю
понимать, что останавливаются на
некоторых, с которыми мне иногда
приходилось выпивать - это, вроде,
Железняков, Николаев и Олигер.
Ставят вопрос: или вы через пять
минут инженер, или никто. Допра-

торые куда-то припрятали свое золото. Были и колхозники, и рабочие, были и очень крупные бандиты.

Обычно около 6 вечера проходила смена дежурных по ГПУ, и дежурные, вновь заступившие, заходили в эту тюрьму. Кто только взглянет и пересчитает наличие, а кто начнет расспрашивать, ну, например, так. Обращается он к одному из колхозников:

- Ты за что сидишь?
- Да, говорят, за гарнизацию.
- А ты кто?
- Да, говорят, гарнизатор.

Ночью обычно приходил «воронок» и кое-кого от нас увозил на расстрел. Говорили, что это производили на Коровьем острове на р.Самарка.

Как-то на допросе следователь Каверзина мне говорит, что меня сегодня выпустят, и поздно вечером выпустили, сказали, чтобы шел учиться. Так что все прошло относительно благополучно. Через несколько дней выпустили Железнякова и Николаева, а Олигер не сидел — говорят, у него был родственник какой-то крупный начальник.

В нашей компании при выпивках я был «специалист» по разным теориям. Например, я развивал мысль, что человечество все погибнет от самоубийства. И еще ряд теорий такого же плана. Одна из них была достаточно опасна, и я очень боялся, что меня про нее спросят, но никто из ребят, видимо, по этому вопросу ничего не говорил. Я высказывал мысль, что теперь организация политической борьбы старой формы уже не действительна, а должны быть новая система — «пятерки». Создается «пятерка», и связь с другими «пятерками» имеет только один. Таким образом достигается большая безопасность. В дальнейшем я узнал, что такая система была у эсеров, но тогда я этого не знал.

А было мне в это время только 20 лет, Олигеру 22, Николаеву 30, а Железнякову 32 годика.

Затем уже в 1939 году меня опять вызывали в НКВД и допрашивали по Железнякову. Отвечал я довольно нахально, три раза заставлял переписывать протокол, но все опять прошло благополучно. Я еще верил в справедливость. Ходили слухи, что Железняков так и помер в тюрьме. В то время он работал в Оренбурге начальником Госстройконтроля.

В 1994 году я пытался искать «свое» дело, чтобы ознакомиться с ним, но по адресу ул. С.Разина, 37, в УФСБ мне сказали, что «моего» дела у них нет и очень вероятно, что оно в Оренбурге, где жили Железняков и Николаев.

В. Сенокосов. Апрель 1940 г.

После окончания института Борис Романович Ясинский был направлен в Орск. Последующая география его работы внушительна: Красноярск, Куйбышев, Ленинград, Архангельск, Соловецкий архипелаг, о. Диксон, Москва, Ростов-на-Дону. Закончил он свою службу в звании инженер-подполковника на должности начальника строительства ракетодрома под Астраханью. Воспоминания написаны в 1995 году.

Владимир Павлович Сенокосов поступил в строительный институт в зловещем 1937 году, но ему и его однокурсникам удалось избежать репрессий. Этим юношей ждало другое испытание.

В. П. СЕНОКОСОВ:

Наша группа №41 была укомплектована из школьников и рабфаковцев. Замечательный коллектив, девизом которого было: «Учеба и спорт». В группе за редким исключением были переэкзаменовки: спорт требовал досрочной сдачи экзаменов, что поощрял директор института В.А.Крузе (был еще Кубок по футболу им. Крузе). В памяти остались лекции ведущих преподавателей. Профессор Гродский - генерал-полковник артиллерии царской армии, читал курс теоретической механики. Профессор Янченко читал курс «основания и фундаменты». Профессор Каценеленбоген (соавтор Дворца культуры в Самаре) читал курс по архитектуре жилых и гражданских зданий. Доцент Третьяков, проектировщик и участник строительства Сызранского железнодорожного моста, вел занятия по теории сооружений. Задачи выдавал для каждого студента индивидуально, студент не мог списать. Доцент Богданов вел курс «деревянные конструкции». Декан Муморцев - душа факультета -

1938 г. Студенты КИСИ перед стартом Жигулевской кругосветки.

читал курс «организация строительства». Запомнились эти преподаватели как профессионалы и душевные люди.

1 декабря 1939 года начались боевые действия с белофиннами. Пять студентов КИСИ им. Микояна - Сенокосов Владимир Павлович, Пыринов Лев Иванович, Корунтяев Валентин Яковлевич, Горелов Николай Васильевич, Терентьев Владимир Лукич - написали письмо Наркому обороны СССР К.Е.Ворошилову с просьбой направить на фронт добровольцами-лыжниками.

15 декабря 1939 г. получен ответ на имя Сенокосова: «Правительством не принято решение о формировании отрядов добровольцев-лыжников для участия в белофинской кампании».

28 декабря 1939 г. Правительство приняло решение о формировании легко-лыжных батальонов из добровольцев-лыжников для участия в боевых действиях с белофиннами.

1 января 1940 г. началось формирование Самарского легко-лыжного батальона из добровольцев-лыжников. Первыми в легко-лыжный батальон были зачислены студенты 3-го курса Куйбышевского инженерно-строительного института им.Микояна: Сенокосов Володя, Пыринов Лева, Корунтяев Валя, Горелов Коля, Корясов Иван. В дальнейшем были зачислены студенты 4-го Шурунов Гена, студент 2-го курса Пыринов Сергей (брат Левы) – всего 20 человек. Формирование батальона велось в школе около стадиона «Локомо-

Будущие участники финской кампании (слева направо): Виктор Сухо-руков, Николай Илющенко, Лев Пыринов, Валентин Корунтяев, Влади-мир Пронин (?).

тив». Обстановка была оживленно-боевая, со студенческим задором. Валя Корунтяев не расставался с гармошкой, под которую пели «Катюшу», «Три танкиста», русские народные песни.

5 января 1940 г. руководство института (В.А.Крузе) в общезнании на Самарской улице устроило проводы добровольцев-лыжников на фронт. Пили русскую водку, пели, плясали, прощались.

6 января 1940 г. в Доме Красной Армии был городской митинг, посвященный проводам добровольцев на фронт.

7 января 1940 г. выдали обмундирование, оружие, боекомплект.

Экипировка соответствовала зимним условиям. Выдали: белую теплую куртку, белые теплые брюки, пуловер из верблюжьей шер-сти, гимнастерку, теплое белье, лыжные ботинки, валенки, шап-ку, шерстяной подшлемник, перчатки на два пальца, меховые ру-кавицы, каску и лыжи. Получили десятизарядную перезаряжающуюся «винтовку Семенова», патроны, гранату, вещмешок, котелок и флягу.

8 января 1940 г. приняли присягу. Объявили о формировании легко-лыжных эскадронов. Ночью в теплушке выехали на фронт.

11 января 1940 г. прибыли в г. Калинин. Легко-лыжный батальон окончательно расформировали на легко-лыжные эскадроны.

21 января 1940 г. в товарных теплушках выехали на фронт в 8-ю армию.

24 января 1940 г. Встреча с боевым финским самолетом, который летал над Волховской ГЭС и железнодорожным мостом. Эшелон остановился у моста. Была команда покинуть вагоны и стрелять по самолету. Велась беспорядочная стрельба. Самолет улетел в сторону Финляндии.

25 января 1940 г. прибыли в Петрозаводск. Легко-лыжные эскадроны № 96-97 торжественно прошли под красным знаменем через центр города. Знаменосцем был красноармеец Сенокосов. В клубе, где ожидали отправки на передовую, обстановка была боевой. Все готовились к отправке на фронт. Иногда играла гармонь Вали Корунтяева.

27 января 1940 г. отбыли на фронт в район Соуярви. Ехали на открытых грузовых машинах в сорокаградусный мороз. Город был оставлен финнами, в нем расположился штаб армии.

28 января 1940 г. определена боевая задача легко-лыжных эскадронов: тыловая разведка вглубь территории противника, уничтожение огневых точек, в том числе «кукушек», и белофинских легко-лыжных отрядов, действующих между первым и вторым эшелонами войск, на дорогах и у штабов воинских частей. Началась повседневная боевая работа, постоянное передвижение в районе передовой и рейды в тыл противника.

29 января 1940 г. прибыли на передовую. Первый бой при переходе линии фронта. Попали в засаду. Были убитые и раненые. Вернулись обратно за линию фронта.

30 января - 10 марта 1940 г. Рейды, рейды и рейды. Спали в снегу на еловых ветках. Пили болотную воду. Ели мерзлый хлеб. Мерзли, но обмороженных не было. Горячая пища после рейда была из штабной кухни. В этот период убитых не было, были единицы раненых.

11 - 12 марта 1940 г. Оборона участка передовой линии фронта на стыке двух воинских частей. Активно действуют финские снайперы, интенсивно ведут минометный обстрел. Спонтанно велась пулеметная перестрелка. Несем потери. Утром 12-го марта Лева Пыринов пришел ко мне за продуктами и боеприпасами. Отправился на передовую. Он был пулеметчиком первым номером, вторым номером был Валя Корунтяев. В момент прибытия к пулеметному гнезду попал под обстрел снайпера. Был ранен. Валя Корунтяев пытался его выне-

сти из-под огня, но оба попали под пулеметную очередь и погибли в районе ст. Лоймола, где и похоронены. Погибли командир и комиссар эскадрона. Тяжело ранен Сенокосов В. В 12 часов 12-го марта была закончена финская война.

В финской кампании участвовало 45 добровольцев из строительного института. Пятеро не вернулись. Среди погибших был и студент второго курса Юрий Головкин - младший сын знаменитого самарского художника, мецената и эстета-оригинала Константина Головкина. Жизнь отпрыска знатной и богатой купеческой фамилии в стране победившего пролетариата складывалась непросто.

Ю. ГОЛОВКИН (Из автобиографии. 1938 г.) :

«Я родился в гор. Самаре в 1917 году, где живу безвыездно до сих пор. Отец до революции принадлежал к купеческому сословию, имел в г. Самаре дом и писчебумажный магазин. Помимо этого до и после революции отец занимался научной работой в области археологии, истории и этнографии, а последние годы перед революцией заведовал городским музеем. Надо отметить, что он принадлежал к наиболее либеральной части буржуазии и, как потом обнаружилось, был на учете жандармского управления как политически неблагонадежный элемент. В 1918 г. вся семья уехала в Иркутск, а так как мне было лишь полтора года и я был тяжело болен, то меня оставили в Самаре, где я жил у родственников и различных знакомых до 1922 года.

Во время пребывания в Иркутске отец служил сначала в штабе Красной Армии чертежником, а затем в Губстатбюро. По приезде в Самару в 1922 году он служил в губернском архиве до самой смерти. Умер он в 1925 году. Избирательных прав лишен не был.

Мать происходит из крестьянской семьи. После смерти отца она поступает на службу, сначала на Жигулевский пивзавод, затем в Крайплан и сейчас она служит в О.П.Т.Э. Замужем, живет отдельно. Избирательных прав также не лишалась. После смерти отца в 1925 году я поступаю в школу и оканчиваю Ф.З.С. в 1931 году. Так как в учебные заведения меня не приняли, то я пошел работать. С 1932 по 1936 г. работал в областных мастерских связи слесарем-монтажником радиоаппаратуры. В 1936 году работал ремонтным слесарем на судоремонтном заводе им.Янсона, а осенью того же года поступил в техникум речного транспорта, но вследствие тяжелых материальных условий был вынужден с первого же курса его бросить и вновь идти работать. Сейчас я работаю в джаз-оркестре кинотеатра «Фурор».

Беспартийный, член союза речников с 1932 года. Последнюю зиму усиленно готовился и сдал экстерном за курс полной средней школы».

В 1993 году А. Чагаева и Т. Стоцкая разыскали знакомую Юрия Головкина. Ее воспоминания о друге юности вылились в исповедальный рассказ о своей жизни. История Валентины Павловны Солдаевой могла бы стать сюжетом большого романа, хотя захватывает в первую очередь именно неприукрашенной подлинностью подробностей.

В. П. СОЛДАЕВА :

Вы просите меня рассказать о Юре Головкине. Оркестр, в котором мы играли, был создан при управлении связи, и мы были все связисты. В то время, в 1934 году,

Юра работал в мастерских связи (тогда они находились на ул. Льва Толстого между Чапаевской и Фрунзе, недалеко от филармонии) у мастера Чернышева Льва Сергеевича учеником, они делали детали к приемникам - конденсаторы - и ремонтировали их.

Юра был высокий, интересный, чрезмерно скромный, при разговорах краснел как красная дева. Я была влюблена в него, но тогда мы были очень молоды и боялись своего прошлого. Он - купеческий сын, я это знала, но никогда не напоминала. Знала, где их дом, теперь не вспомню где. С оркестром мы были: на вечерах, демонстрациях, похоронах (я всегда плакала), также нас приглашали в дом отдыха связи за счет профсоюза, а когда нас приглашали в другие организации, на танцы и похороны, нам платили, - тогда это был мизер. Юра не пил и не курил. С нами тогда играли: Бродлей (баритон), у него была больная нога, Вера Осипова (тенор), Ганенко Валя и Солдаева Валя (альтисты), Головкин Юра и Максимов

*Юрий Головкин перед поступлением
в строительный институт.*

Юра (трубачи). Вера Осипова вскоре умерла — туберкулез горла, мы ее хоронили. У меня сохранилось фото — лагерь, где мы жили, спали в палатках, утром в 6 часов подъем. Это в Винновской роще в г. Ульяновске, мы там жили две недели в 1934 году. Затем Юра с товарищами перешел в другой оркестр. Я осталась в связи. Появился новый руководитель оркестра Крикливченко Леонид Александрович, кларнетист, и новые «трубочисты» вместо Юры. А с Валей Ганенко мы долго дружили: ходили на каток, концерты, увлекали мальчиков. В 1935-36 годах мы с оркестром продолжали ездить в дом отдыха, развлекать отдыхающих. Осталось много снимков: Гаврилова поляна, Царев курган. Потом повзрослели, судьба нас разбросала кого куда.

Немного о себе. Я — Солдаева Валентина Павловна, родилась 23/II-1916 г. в селе Черноречье Самарской губ. в семье крестьянина — отец, мать, сестра Александра (1912 г.р.). Был дом с садом и пчелами, лошадь, корова, жеребенок, овцы, в поле земля, сеяли пшеницу, просо, гречиху, картофель. В 1923 г. пошла в школу, окончила 4 класса, а в 5-й класс возили в Самару, снимали квартиру. В 1928-29 годах начали раскулачивать. Нас тоже раскулачили: отобрали все — дом, скотину, все в доме до грамма хлеба. Нас в Самаре знакомые пустили на квартиру. Мать — Солдаева А.С. — добилась на прием к председателю крайисполкома. Оттуда принесла документ об освобождении отца. Наш дом в деревне сгорел, а скотина осталась вся в колхозе. В 1930 г. отец устроился в Самаре на мебельную фабрику (ул. Полевая) на пилораму. Сестра устроилась на курсы пчеловодов в Сосновый Солонец и окончила их. А мне было 13-14 лет, учиться не пришлось, а с подружкой пошли в сады НКВД (парк Гагарина) собирать яблоки. Потом, в 1930-31 годах меня по метрикам сестры устроили на курсы воспитателей в детсад, и я проработала сезон на киркомбинате воспитателем. Затем меня взяли ученицей в типографию им. Воровского, наборщицей, платили 28 руб. По вечерам ходила на курсы телеграфа (морзе-клойфер), окончила хорошо. Мне больше нравился телеграф, и платили там 32 руб. Но там попросили документ об образовании. В 1932 г. перешла на телеграф и пошла на вечерний рабфак. По окончании выдали документ о семилетнем образовании. Продолжала работать на телеграфе, освоила все профессии. Тогда было много аппаратов — и бодо, тремль, юзо, клойфер-морзе, радио и последний — это был фототелеграф. Занимала разные должности от бригадира до зав. цеха. В 1936-37 годах были перевыборы в Верховный Совет. От нашего края ездила депутат Пронина, она жила в Мелекессе (теперь Димитровград). Шла из Москвы через лесок, ее встретили и зверски убили, в связи с чем был

судебный процесс. Из Москвы приезжали корреспонденты из газет «Правда», «Известия», «Советская Россия». Меня тоже откомандировали на него как лучшую морзистку. Процесс шел три дня. Присудили расстрел.

Отца, Солдаева П.И., за хорошую работу премировали квартирой по ул. Челюскинцев, где и проживала вся семья. В 1938 году сестра вышла замуж за Терешкина Петра Васильевича. Отцу дали землю в Зубчаниновке, он посадил сад и домик. В 1939 г. в Смышляевке в аэропорту ГВФ открыли отделение связи - я начальником и 4 девушки, обслуживала самолеты радиотелеграфистка. В это же время обслуживал радиоцентр Чернышев Лев Сергеевич, 1910 г.р., тот, который учил Юру Головкина в мастерских связи. Так у нас появился общий знакомый Юра, а мы с Чернышевым Л.С. встречались на катке в Струковском саду. Он учился в техникуме связи, а затем в аэропорту ГВФ в Смышляевке продолжал работать. В 1940 году мы поженились с Чернышевым Л.С., поехали жить на дачу в Зубчаниновке (ул. Достоевского, 37), ближе к работе. Дома в Самаре жили родители: Чернышевы Сергей Семенович, 1869 г.р., и мать Анна Гавриловна, 1872 г.р. В 1940 г., 12 октября, был арестован отец по ст.58-10-1 на 6 лет. Мать осталась одна с квартирантами, больная, ей было 75 лет. В 1941 году началась война, ей вселили эвакуированных с детьми. Я была в декретном отпуске. Мать привезли в Зубчаниновку, где мы жили с мужем, у него была бронь, он работал, восстанавливал самолеты по радиотехнике и летал по городам на восстановление радиостанций — в Воронеж, Сталинград и другие города. Дочери 4 года, я военнообязанная, должна идти на фронт, заказала себе второго ребенка, и мать не на кого оставить. На наш запрос в милицию, где находится заключенный Чернышев Сергей Семенович, милиционер устно сообщил: Чернышев Сергей Семенович умер в 1941 году неизвестно где, документы не положено. Мать совсем слегла, и 10 января 1943 года похоронили ее в Зубчаниновке. В 1941 г., 12 августа, родилась дочь Женя. Сестра с мужем связисты, с 1941 по 1946 годы в армии под Ленинградом, в блокаде. Мы брали землю и засевали просом, картошкой, была коза. Чернышев Лев продолжал работать в мастерских связи ГВФ. 30 апреля 1945 года арестовали Чернышева Льва Сергеевича по ст.58-10-11 на 8 лет (до конца войны оставалось 9 дней). Четыре месяца был подследственный. Описали имущество, дом, мотоцикл ИЖ-7, прососушку (делал сам), велосипед, 2 тысячи облигаций, инструментальный шкаф с инструментами. Я осталась беременная (7 месяцев) и дочери 4 года. Мне помогали мои родители Солдаевы. 30 июля 1945 года родилась вторая дочь Люба. На работу меня не принимали как врага народа,

и двое малых детей. Это 1946-48 годы. Засевала огороды, сдавала кровь как донор, продала библиотеку отца — Чернышева Сергея Семеновича, 100 томов энциклопедии и всех писателей в полном собрании сдала в магазин «Книга» в Самаре. Кормила детей. В 1946 году подала в суд, чтобы мне оставили дом на детей. Суд удовлетворил мою просьбу, мы остались в доме. В 1950 г. подала в суд о разводе с Чернышевым. Суд тоже удовлетворил мою просьбу. Я взяла свою фамилию Солдаева, после всех процедур меня взяли на работу на мясокомбинат - лоточницей на крытый рынок на Безымянке. В 1946 г. заболела старшая дочь Женя, ей было 5 лет, дифтерия гортани. Ей вставили трубочку в рот, она задыхалась, собиралась умирать. Еле отходила, кормила ее своей грудью (я тогда кормила Любу, младшую). Из Зубчаниновки привезла ее в инфекционную больницу № 1, была на Ярмарочной, теперь тут мемориал. Чернышев сидел на пересылке, грузил уголь на Волге для Жигулевского завода, строил сталинское бомбоубежище, затем его перевели в совхоз Рубежное поливать огороды. В 1951-52 годах я работала в магазинах в Зубчаниновке. 30 апреля 1953 года вернулся из заключения Чернышев Лев Сергеевич, без права прописки в городе на пять лет. Детям нужен отец. Продала дом в Зубчаниновке и купила дом в Кротовке, машину и 200 цыплят, 2 кролика, стали фермерами. Муж пошел на работу в клуб киномехаником, затем перешел в школу. А дети учатся во 2 и 6 классах, я домохозяйка. В 1956 и 1960 годах получили извещение о реабилитации Верховного Совета РСФСР и извещение Верховного Суда об отмене приговора за недоказанностью обвинения, извинились (после 8 лет заключения). Выплатили за два месяца зарплату и восстановили на работу в аэропорт ГВФ. С 1960 г. имели разрешение на индивидуальную радиостанцию и позывные. всю жизнь муж занимался как радиолюбитель, с 1926 г. перестроил много приемников и передатчиков. С 1932 по 1938 годы работал на РВ16, теперь это телецентр. 1939-40 г. — финская война. С 1945 по 1953 годы тюрьма. А в 1960 г., 14 декабря, мы вновь зарегистрировались с Чернышевым. Я осталась на свою фамилию Солдаева. Дети вышли замуж, окончили институты, родили 2 внука и 2 правнука. Чернышев Лев Сергеевич 29 апреля 1989 года умер, я вдова. Чернышев Сергей Семенович реабилитирован в 1990 г. Он имел свой дом в Самаре — Галактионовская и Красноармейская, угловой двухэтажный, дачу в Зубчаниновке, гостиницу (Дом заезжих) на Самарской улице между Ленинградской и Некрасова, напротив скверика, потом он стал Дом колхозника (далее не знаю что).

15 ноября 1993 г.